

УДК 159.923

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОЦЕДУР ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СУБЪЕКТА В ПСИХОДИНАМИЧЕСКОЙ ПСИХОТЕРАПИИ

Маричева А. В.

Крымский федеральный университет им. В.И. Вернадского

Статья репрезентирует исследование психологических особенностей процедур психолингвистического анализа функционирования субъекта в психодинамической психотерапии, заключающихся в использовании методологии семиотики и лингвистики в исследовании внутреннего опыта субъекта в процессе оказания ему психотерапевтической помощи. Рассматриваются уровни и компоненты глубинного анализа формирования и реализации невротической симптоматики субъекта с позиций психолингвистики. Описываются созданные для целей исследования терапевтические процедуры, иллюстрированные примерами практической работы. Сделан вывод, что необходимо обогащение существующих техник, практик и процедур анализа и коррекции бессознательного психического в рамках психодинамической терапии методологией анализа внутренней субъективной реальности личности психосемиотического и психолингвистического подходов.

Ключевые слова: бессознательное, симптом, желание, вторичная выгода, психолингвистика, психотерапия.

ВВЕДЕНИЕ

Современные исследования в гуманитарных и социальных направлениях научного знания признают тот факт, что одной из основных характеристик человеческого существа является его взаимоотношение с вещным миром и социальным окружением через опосредование знаковых систем, являющихся предметом изучения семиотики, а в рамках психологии – предметом глубинной психологии и основанной на ее положениях психотерапевтической практики. Внутренний опыт субъекта, как и субъективная реальность Другого в пространстве интересубъективного взаимодействия с ним, например в психотерапии, репрезентированы нам в семиотических и лингвистических структурах, «образуя единое знаковое пространство человеческого бытия и сознания – семиосферу, включающую в себя субъективный опыт в синтезе с интериоризированным и трансформированным в сознании социокультурным опытом» [Королева, 2005, с. 58].

Таким образом, только через рассмотрение и изучение проблемы эквивалентности структур психики субъекта культурным образованиям и структурам, как и опосредующих их взаимопроникновение структур языка, возможно понимание и моделирование для целей успешной психотерапии осознаваемых и бессознательно протекающих процессов, поддерживающих работу психического аппарата субъекта. А значит, актуально необходима принципиально новая методология организации исследования феноменов, основанных на

вышеупомянутой эквивалентности и вытекающие из этой методологии современные встающим проблемам методы исследования, которые должны гармонично сочетать в себе парадигмальные основы семиотики, психолингвистики, психологии субъекта и психодинамической психотерапии.

Исследования Н. Ф. Калиной и З. С. Карпенко намечают новый интегральный подход к проблеме субъектности и ее языковых манифестациях в психотерапии (Калина, 1997, 1999, 2001, Карпенко, 2001, 2006), а Н. В. Чепелева предлагает психологическую концепцию психологической герменевтики (Чепелева, 2003), позволяющую адекватно понять и интерпретировать личный опыт субъекта. Разработке проблематики психосемиотического подхода к исследованию субъекта и семиотико-психологическим аспектам его онтогенеза, а также изучению феноменологии intersubjectивной природы существования бессознательного (Глотова, 1994, 1999, 2005) у субъекта посвящены работы Г. А. Глотовой. Рассмотрению аспектов реализации семиозиса в пространстве семиосферы личности в рамках психосемиотического подхода к анализу ее субъективных реальностей, а также основам методологии междисциплинарных психосемиотических исследований феноменологии субъекта (Королева, 2005) в постиндустриальном культурно-историческом интервале его бытия посвящены исследования Н. Н. Королевой. Развитию идей знакового опосредования в психоанализе как частного случая психосемантического подхода к анализу картины мира субъекта, структуры обыденного сознания и особенностям семиотического функционирования бессознательного (Улыбина, 2001, 2004) посвящены работы Е. В. Улыбиной.

В контексте диссертационного исследования психолингвистического анализа функционирования субъекта в психодинамической психотерапии (Маричева, 2012, 2014) была реализована работа по созданию психодиагностического инструментария, основанного на постмодернистских рефлексиях бессознательного и приемах его лингвистического изучения, с целью оказания психотерапевтической помощи, базирующейся на вышеобозначенных методологических основаниях, опираясь на которые были разработаны диагностические и коррекционные процедуры, одной из которых является трехкомпонентный анализ невротической симптоматики субъекта.

Вышеобозначенная психотерапевтическая процедура заключается в процессе экспликации следующих компонентов глубинного анализа, сочетание которых лежит в основе формирования и реализации невротической симптоматики у субъекта:

- Компонент «симптом – метафора – отрицание» характеризует структуру симптома (поведенческого, когнитивного, эмоционального либо соматического) и эквиваленты ее проявления в феноменологии поведения и дискурсе;
- Компонент «желание – метонимия – смещение» характеризует структуру бессознательного желания субъекта, связанного с симптомом и эквиваленты ее проявления в феноменологии поведения и дискурсе;

- Компонент «вторичная выгода – оксюморон – парадоксальная противобобическая реакция» характеризует структуру вторичной выгоды от симптома, придающей ему устойчивость проявления, и эквиваленты ее проявления в дискурсе и организации интересубъективного взаимодействия.

Рассмотрим подробнее процесс реализации вышеописанный процедуры и проиллюстрируем их примерами соответствующей ей терапевтической практики.

Процедура эмпирического обнаружения конструкта «симптом – метафора – отрицание» как структуры симптома. Хочется обратить внимание на тот факт, что механизм психологической защиты отрицания не только искажает восприятие реальности, отбрасывая факт наличия того, что субъекту не нравится, но в большей мере важен именно потому, что отвергает отсутствие того, что соответствует бессознательному желанию субъекта. Таким образом, формирование симптома – это создание символа-заместителя, то есть – метафоры, на месте отсутствия той части реальности, которая жизненно необходима субъекту. Патологичность невротического симптома заключается в том, что метафора редуцируется до однозначности интерпретации и воспринимается психикой субъекта буквально, в результате чего символ начинает употребляться как знак присутствия реальности там, где она объективно не существует, чем значительно дестабилизирует физическое и психическое функционирование субъекта. Наиболее заметна эта структура в психосоматических невротических симптомах, так как непосредственно доступна наблюдению, в связи с чем мы считаем необходимым проиллюстрировать это положение следующим примером терапевтической работы.

Анализант – молодая девушка, заканчивающая обучение в престижном вузе на факультете международных отношений, обратилась к аналитику с целью выяснить, является ли ее соматический симптом психосоматическим и поддается ли он коррекции при помощи методов психотерапии. Девушка росла и воспитывалась в семье с сестрой, которая значительно ее старше и физиологически слабее, мать девушки относилась к типу «светской дамы» – мягкая, сдержанная, но не холодная эмоционально, внешне очень привлекательная женщина с травматической историей, ставшей семейным мифом, о том, что отец девушек, являясь диаметрально противоположным по проявлениям человек (внешне не привлекателен, генетически отягощен псориазом, резкий, несдержанный, иногда агрессивный) нанес матери нарциссическую травму супружеской изменой, в результате которой мать тяжело болела и даже рисковала жизнью, но оправилась и стала социально успешной и без финансовой и моральной поддержки супруга, с которым номинально до сих пор находится в браке. Девушки с отцом контакт не поддерживают. Мать сделала карьеру на дипломатическом поприще и имеет образование, полученное в том же вузе, что и анализант.

Свою проблему анализант описала следующим образом: она пылала надеждами относительно своей профессии, была «отличницей-заучкой», но на третьем курсе обучения ее преподаватель – яркая, властная, несдержанная в своих проявлениях, очень харизматичная женщина – походя обесценила ее в группе однокурсников на лекции (причем факт обесценивания был воспринят самой анализантом, но не подтверждается ее однокурсниками: по словам анализанта, они «даже не заметили»),

после чего анализант утратила интерес к учебе, далее она переехала со своим молодым человеком из материнского дома на съемную квартиру, далее утратила интерес к выстраиванию интимно-личностных отношений, но продолжила обучение. Во время зимних каникул перед завершающим полугодием обучения в вузе у нее проявился псориаз, с которым она борется с помощью медицинских методов лечения, но из-за которого она сократила свое пребывание где-либо, кроме съемной квартиры. Псориаз считает генетическим заболеванием, унаследованным от отца, а его появление связывает с сильным эмоциональным напряжением, причин которого не может определить.

Итак, в данном конкретном случае были определены:

- 1) желание идентификации с материнской фигурой, завязанное на профессиональную идентичность;
- 2) фрустрация этого желания харизматичной, высокопрофессиональной и несдержанной в своих проявлениях женщиной;
- 3) наличие в опыте фигуры несдержанного в своих проявлениях отца с симптомом псориаза;
- 4) возникновение симптома псориаза у анализанта перед заключительным полугодием профессионального обучения и «после» фрустрации желания нарциссической идентификации с харизматичной профессионалом-женщиной.

Опираясь на вышеобозначенное, найдем ответ на вопрос, какую функцию выполняет симптом псориаза в неуспешной попытке получения нарциссической идентификации с харизматичной фигурой профессионала.

Симптом – это метафора – перенос признака объекта из одной семантической области в иную, инородную. У анализанта псориаз, как у отца (анализант = отец), отец не сдержан, как и преподаватель (анализант = отец = преподаватель), таким образом, симптом позволяет получить символическую идентификацию с тем, с кем ее невозможно получить – то есть с фрустрировавшим анализанта преподавателем – и одновременно получить нарциссическую идентификацию с матерью, успешно окончившей данный вуз.

Бессознательное желание (в данном случае желание идентификации) – это метонимия и смещение (перенос части объекта), то есть то, что позволило объединить четыре фигуры – анализант – (псориаз) – отец – (несдержанность) – преподаватель – (профессионал) – мать.

Вторичная выгода от симптома как парадоксальный элемент симптома и желания (оксюморон): в данном случае симптом псориаза делает анализанта профессионалом как мать, но не красавицей как мать; сам симптом позволяет найти предлог не заканчивать профессиональное обучение в связи с нежеланием покинуть квартиру и выходить на улицу и при этом является единственным признаком, позволяющим осуществиться символической идентификации с преподавателем, фрустрировавшим соответствующее бессознательное желание.

Приведенный пример терапевтической работы демонстрирует, что трехкомпонентный анализ невротической проблематики субъекта представляет

собой расширенную версию анализа процесса обретения нарциссической и символической идентификаций, описанных структурным психоанализом Ж. Лакана (Лакан, 1995, 1997, 2004, 2008).

Процедура эмпирического обнаружения конструкта «желание – метонимия – смещение» как структуры бессознательного желания. Основываясь на вышеобозначенном, в процессе психотерапевтического взаимодействия после конкретизации и фиксации структуры симптома активность аналитика направляется на поиск того бессознательного желания, в угоду которому был создан сам симптом. Одной из основных характеристик бессознательного желания, которое задает вектор направления реализации активности субъекта, является такая особенность, что для поддержания гомеостаза функционирования психического аппарата бессознательное желание ищет объекты во внутренней субъективной и внешней объективной жизненной реальности субъекта для осуществления катексиса и достижения разрядки таким образом, чтобы гарантировать эту разрядку не полностью, что приводит к сохранению структуры желания и гарантирует постоянное движение в поиске новых объектов для частичной разрядки и тем самым – постоянный процесс периодического переживания удовлетворения для поддержания вышеупомянутого гомеостаза.

Этот процесс становится возможным благодаря работе бессознательного механизма психологической защиты смещения, в ходе которой происходит постоянное отклонение катексиса либидо от объекта, который вызвал появление бессознательного желания, и перенаправление связанных с ним катексисов на объекты-заменители. Эквивалентом этому процессу в реализации дискурса субъекта, в котором происходит артикуляция его внутреннего опыта, является метонимическое смещение-скольжение артикуляции от означаемого элемента дискурса к синонимичным ему по смыслу лингвистическим конструкциям, например местоимения, смещения с множественного числа на единичное, с части на целое, с родового признака на видовой (синекдоха) и т. п.

Таким образом, вскрытие системы «желание – метонимия – смещение» как структуры бессознательного желания происходит в процессе воссоздания смысловых смещений в дискурсе субъекта вокруг экспликации структуры симптома, то есть отслеживаем, каким образом и в каких формах повторяется одна и та же схема получения разрядки, а именно – способ ее получения, который при смене симптоматики остается практически неизменным. Эта неизменная часть, реализующаяся в разнообразных формах, по сути являющихся разнообразными смысловыми вариациями – оттенками интерпретации метафоры основного симптома психологического неблагополучия субъекта, является искомым бессознательным желанием субъекта.

Процедура эмпирического обнаружения конструкта «вторичная выгода – оксюморон – парадоксальная противобобическая реакция» как структуры вторичной выгоды от симптома. Вопреки представлению классического психоанализа о том, что стоит вытесненному материалу вернуться в сферу сознания, а бессознательному желанию быть выявленным и проинтерпретированным, симптом исчезает и с течением времени не возвращается, последующее развитие глубинной психологии и

психодинамических представлений о бессознательных механизмах функционирования субъекта, а также накопленный эмпирический материал психотерапевтической практики показали, что на пути достижения этого терапевтического эффекта встает препятствие в виде вторичной выгоды от симптома. Эта вторичная выгода поддерживает в субъекте заметное и настойчивое сопротивление изменениям и сохраняет симптом неизменным даже при условии осознанности бессознательного желания, детерминирующее его существование. В отдельных случаях симптом становится частью характерологической конституции субъекта, что сопровождается так называемым «залипанием» либидо на определенном типе катексиса – такое положение вещей в структурном психоанализе получило название «синтом», то есть синергетический симптом, поддерживающий определенную гармонию психической конституции субъекта.

Таким образом, часто перед аналитиком встает необходимость экспликации вторичной выгоды от симптома для того, чтобы обеспечить субъекту эту выгоду иным, более адаптивным реальности способом для того, чтобы нивелировать существующий невротический симптом.

Что такое вторичная выгода от симптома в практическом ракурсе оказания психотерапевтической помощи? Очевидно, что симптом имеет амбивалентную природу, в соответствии с которой субъект и получает удовольствие, подменяя символическим эквивалентом отсутствующую реальную часть окружающей действительности и ее отражение во внутреннем опыте, и получает наказание за реализацию запретного удовлетворения в виде страдания от симптома. Дабы симптом сохранялся неизменным и тем самым гарантировал постоянную периодическую разрядку напряжения, создаваемого бессознательным желанием, необходимо, чтобы удовольствие от разрядки перевешивало страдание от дезадаптации. Здесь вторичная выгода как своеобразный протест субъекта против требований реальности сообщает дополнительную значимость и вес существованию симптома как символического заместителя желаемого, но отсутствующего в реальности, объекта удовлетворения бессознательного желания. Обеспечение иного способа достижения вторичной выгоды приводит к тому, что страдание от симптома значительно перевешивает значимость удовольствия от него и в соответствии с законом экономии в психологии субъект находит иной, более адекватный реальности способ реализации бессознательного желания, что автоматически нивелирует исходный симптом.

Этот процесс становится возможным благодаря работе бессознательного механизма психологической защиты противобойческой реакции, в ходе которой реализуется субъектный протест как противопоставление своего желания и способа символического замещения части реальности условиям самой объективной реальности. Эквивалентом этому процессу в реализации дискурса субъекта являются моменты амбивалентности, как правило отмеченные лингвистическим тропом оксюморона – «да нет», «страшно приятно», «недосказанность в наших отношениях говорит о многом» и т. п.

Подводя итог процедуры трехкомпонентного анализа невротической симптоматики субъекта, можно эксплицировать его общую формулу таким образом: Симптом субъекта является метафорой, предполагающей множество своих интерпретаций и тем самым различные смысловые аспекты своего существования, объединяющиеся вокруг общего способа достижения субъектом периодической повторяющейся разрядки напряжения, соответствующей его бессознательному желанию и являющегося метонимией, смещающей катексисы от одного объекта к другому и сохраняющей неизменным только сам способ смещения, где устойчивость симптому придает вторичная выгода, являющаяся оксюмороном, задающим определенный семантический контекст – смысловую рамку, фиксирующую в симптоме одно конкретное из всех возможных значений метафорического поля. Например, в достаточно распространенной ситуации переживания морального и физического насилия в родительской семье субъект воссоздает ее впоследствии в зрелом состоянии в своих межличностных отношениях таким образом, что и при осознании истоков собственного виктимного поведения не в силах самостоятельно переструктурировать неадаптивные отношения. Причем часто окружающие его люди мучаются от навязываемой им роли агрессора, тем не менее отвечая ожидаемым насилием на провокативные поведенческие внедрения субъекта.

Прояснение вторичной выгоды в этих нередких для наблюдения случаях вскрывает парадоксальную символическую идентификацию жертвы со своим насильником, таким образом, при котором жертва, сохраняя свою ролевую позицию, принуждает окружающих к ролевой позиции насильника против их желания. Таким образом, вскрытие системы «вторичная выгода – оксюморон – парадоксальная противобобическая реакция» как структуры вторичной выгоды от симптома происходит в процессе воссоздания смыслового контекста, придающего метафорической многозначности симптома единичное конкретное значение, чем придает ему патологическую устойчивость.

Топологический анализ функций и места субъекта в поддержании гомеостаза интересубъективной системы характеризует степень рассогласования между бессознательным желанием идентификации и степенью удовлетворения этого желания.

Способ снижения напряжения в системе интересубъективного взаимодействия представляет собой специфическую поведенческую активность субъекта, в результате которой достигается разрядка тревожного напряжения всех ее элементов. То есть поведение субъекта имитирует либо воспроизводит работу определенного механизма психологической защиты, которой не хватает окружающим его людям, находящимся с ним в общем интересубъективном семантическом поле. Так, в предыдущем примере симптома виктимного жертвенного поведения у субъекта не функционирует должным образом бессознательный психологический защитный механизм отреагирования вследствие того, что условия его жизнедеятельности представляли угрозу реального физического ущерба в случае, если бы субъект эту защитную реакцию реализовал на практике. В рамках переносных и контрпереносных взаимных реакций супруг вышеописанного субъекта автоматически начинает реализовывать эту реакцию «за двоих». Это проявляется в

чрезмерных и бурных эмоциональных реакциях с сопровождающими их деструктивными актами, в результате которых он крушит и ломает все, что попадется под руку, кроме самой супруги. По окончании этого отреагирования оба получают возможность спокойно обсуждать изменения условий жизнедеятельности, которые периодически и приводят к повышению напряжения внутри семейной системы.

Таким образом, идентифицированный «агрессор» подтверждает навязанную и не подходящую ему ролевую модель и снижает напряжение в системе интересубъективного взаимодействия.

Признаки субъектного протеста (сопротивления) в системе интересубъективного взаимодействия проявляются в виде соответствующей невротической симптоматики, повышая психологическую цену за определенный способ снижения напряжения в ней. Так, продолжая предыдущий пример, идентифицированный «агрессор» и его партнер испытывают неудовольствие в связи с тем, что спорадические эмоциональные вспышки с сопровождающими их мышечными сокращениями отражаются на физическом состоянии здоровья в нарушениях работы вегетососудистой системы и работы скелетно-мышечного аппарата, что приводит к периодической нетрудоспособности «агрессора», состояниям депрессивной подавленности и обездвиженности, то есть к сопротивлению – «я не буду активным, я не агрессор». Тем не менее вышеописанная динамика сохраняется, а симптоматика с течением времени усугубляется, что говорит о высокой степени рассогласования выполняемой функции и успешности субъектного сопротивления. Топологический анализ функций и места субъекта с виктимной симптоматикой в поддержании гомеостаза системы его интересубъективного взаимодействия характеризуется незначительной степенью рассогласования между бессознательным желанием идентификации с насильником (так как принуждение партнера быть «агрессором» реализуется) и степенью удовлетворения этого желания.

Заключая вышесказанное, можно сказать, что топологический анализ функций и места субъекта в поддержании гомеостаза интересубъективной системы заключается в поиске места и функции, выполняемой анализантом, в соответствии с которой поведение анализанта снижает напряжение в системе интересубъективного взаимодействия с одной стороны и при этом выявляет признаки субъектного протеста (сопротивления) с другой. Степень рассогласования выполняемой функции и успешности такого субъектного протеста (сопротивления) характеризуют степень тяжести испытываемого анализантом симптома. Способ снижения напряжения внутри интересубъективной системы, как правило, воссоздает работу того бессознательного защитного механизма субъекта, который имеет дисфункцию, а тяжесть невротической симптоматики детерминирована степенью рассогласования между функцией и ролевой позицией субъекта и успешностью сопротивления в рамках отстаивания удовлетворения собственного бессознательного желания. Таким образом, на этом этапе анализа выявляется взаимосвязь между ролевыми позициями участников интересубъективного взаимодействия и выполняемыми ими функциями достижения снижения напряжения внутри интересубъективной системы.

Подводя итог эксплицированным психологическим особенностям диагностических и коррекционных процедур психолингвистического анализа функционирования субъекта в психодинамической психотерапии, мы считаем необходимым акцентировать внимание на необходимости обогащения существующих техник, практик и процедур психоаналитического и глубинно-психологического исследования внутренней субъективной реальности субъекта положениями смежных с ними дисциплин психосемиотики и психолингвистики, чье использование имеет большой эвристический потенциал и имеет существенную практическую применимость, повышающую эффективность терапевтической и консультационной помощи нуждающемуся в ней человеку.

Список литературы

1. Глотова Г. А. Проблемы психосемиотики. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1994.
2. Глотова Г. А. Психосемиотика субъекта. // Второй российский философский конгресс: «XXI век: будущее России в философском измерении». Философская антропология и философия культуры. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 1999. Ч. 1. Т. 3. С. 122–123.
3. Глотова Г. А., Минаева Н. С. Интерсубъективность бессознательного. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005.
4. Калина Н. Ф. Основы психотерапии. М.: Рефл-бук, 1997.
5. Калина Н. Ф. Лингвистическая психотерапия. К.: Ваклер, 1999.
6. Калина Н. Ф. Основы психоанализа. М.: Рефл-бук. К.: Ваклер, 2001.
7. Карпенко З. С. Герменевтика психологической практики: монография. К.: РУТА, 2001.
8. Карпенко З. С. Картография интегральной субъектности: постмодернистский проект. // Человек. Субъект. Поступок: Философско-психологические студии / Общ. ред. В. А. Татенко. К.: Лыбидь, 2006. С. 157–175.
9. Королева Н. Н. Семиосфера личности. СПб., 2005.
10. Лакан Ж. Функция и поле речи и языка в психоанализе. М.: Гнозис, 1995.
11. Лакан Ж. Инстанция буквы, или судьба разума после Фрейда. / Пер. с фр. А. К. Черноглазова, М. А. Титовой (Значение фаллоса). М.: Русское феноменологическое общество, Логос, 1997.
12. Лакан Ж. Четыре основные понятия психоанализа (Семинары: Книга XI (1964)) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: ИТДК Гнозис, Логос, 2004.
13. Лакан Ж. Изнанка психоанализа (Семинар, Книга XVII (1969–70)) / Пер. с фр. А. Черноглазова. М.: ИТДК Гнозис, Логос, 2008.
14. Маричева А. В. За гранью желания: монография. Симферополь: ИТ АРИАЛ, 2012.
15. Маричева А. В. Психолингвистический анализ функционирования субъекта в психотерапии // Научный вестник НПУ им. М.П. Драгоманова. Серия 12. Психологические науки. 2014. 45 (69). С. 205–213.
16. Улыбина Е. В. Психология обыденного сознания. М.: Смысл, 2001.
17. Улыбина Е. В. Знаковое опосредование в культурно-исторической теории и психоанализе // Психологический журнал. 2004. Т. 25. № 6. С. 64–72.
18. Чепелева Н. В. Понимание и интерпретация личностного опыта в контексте психологической герменевтики // Актуальные проблемы современной украинской психологии. Научные записки Института психологии им Г. С. Костюка АПН Украины. М.: Нора-Друк, 2003. 23. С. 15–24.

**PSYCHOLINGUISTIC ANALYSIS OF PERSON'S FUNCTIONING IN
PSYCHODYNAMIC PSYCHOTHERAPY AND PSYCHOLOGICAL FEATURES
OF ITS PROCEDURES**

Maricheva A.V.

V.I. Vernadsky Crimean Federal University

The article represents the research of psycholinguistic analysis of the person's functioning in psychodynamic psychotherapy and psychological peculiarities of its procedures. These procedures are based on methodology of Semiotics and Linguistics applied to the person's internal experience in the psychotherapeutic setting. Levels and components of formation and implementation of person's neurotic symptoms are analyzed on the background of Psycholinguistics and Depth Psychology. Therapeutic procedures, created for the purposes of the research, are described and supplied with examples of psychotherapeutic cases. In conclusion, a necessity to enhance existing techniques and procedures of analysis and correction of unconscious patterns in the frame of Psychosemantic and Psycholinguistic approaches is explained.

Keywords: unconsciousness, symptom, desire, secondary gain from illness, Psycholinguistics, Psychotherapy.

References

1. Glotova G. A. Problems of psychosemiotics. Ekaterinburg: Publishing house Ural. State Un-ty, 1994.
2. Glotova G. A. Psychosemiotics of the subject. // The Second Russian Philosophical Congress: "XXI Century: The Future of Russia in the Philosophical Dimension". Philosophical anthropology and philosophy of culture. Ekaterinburg: Publishing house Ural. Gos. Un-ta, 1999. Part 1. T. 3. P. 122-123.
3. Glotova G. A., Minaeva N. S. Intersubjectivity of the unconscious. Ekaterinburg: Publishing house Ural, University, 2005.
4. Kalina N. F. Fundamentals of psychotherapy. M.: Рефл-бук, 1997.
5. Kalina N. F. Linguistic psychotherapy. K.: Wackler, 1999.
6. Kalina N. F. Fundamentals of Psychoanalysis. M.: Refl-book, K.: Wackler, 2001.
7. Karpenko Z. S. Hermeneutics of psychological practice: monograph. K.: RUTA, 2001.
8. Karpenko Z. S. The mapping of integral subjectness: a postmodern project. // Human. Subject. Act: Philosophical and psychological studio / Society. Ed. V.A. Tatenko. K.: Lybid, 2006. P. 157-175.
9. Koroleva N. N. Semiosphere of personality. SPb., 2005.
10. Lacan J. Function and field of speech and language in psychoanalysis. M.: Gnosis, 1995.
11. Lacan J. Instance of the letter, or the fate of the mind after Freud. / Trans. With fr. A.K. Chernoglazova, M.A. Titova (meaning of the phallus). Moscow: Russian Phenomenological Society, Logos, 1997.
12. Lacan J. Four basic concepts of psychoanalysis (Seminars: Book XI (1964)) / Trans. With fr. A. Chernoglazova. M.: ITDK Gnosis, Logos, 2004.
13. Lacan J. The Wrong Side of Psychoanalysis (Seminar, Book XVII (1969-70)) / Transl. With fr. A. Chernoglazova. Moscow: ITDK Gnosis, Logos, 2008.
14. Maricheva A. V. Behind the edge of desire: a monograph. Simferopol: IT ARIAL, 2012.
15. Maricheva A. V. Psycholinguistic analysis of the subject's functioning in psychotherapy // Scientific herald of the NNU. M.P. Dragomanova. Series 12. Psychological sciences. 2014. 45 (69). P. 205-213.
16. Ulibina E. V. Psychology of ordinary consciousness. M.: Sense, 2001.
17. Ulybina E. V. Signed mediation in cultural-historical theory and psychoanalysis // Psychological journal. 2004. P. 25. № 6. P. 64-72.
18. Chepeleva N. V. Understanding and interpreting personal experience in the context of psychological hermeneutics // Actual problems of modern Ukrainian psychology. Scientific notes of the Institute of Psychology. G.S. Kostyuk APN of Ukraine. M.: Nora-Druk, 2003. 23. P. 15-24.